

ОДИН ШАГ
МЕНЯЕТ
ВСЁ

Больше
чем
возможно
♡

Она пришла
научить его снова
двигаться.
Но сначала ей придётся
заставить его снова
захотеть жить.

ШАГ НАВСТРЕЧУ

Мила Рóман

Мила Роман

Шаг на встречу

<https://litres.ru/74443328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим умел покорять скорость — и был уверен, что скорость никогда не покорит его.

Богатый наследник, успешный бизнесмен, любимец Москвы — он жил так, будто с ним ничего и никогда не может случиться. Пока однажды ночная трасса не расставила всё по местам.

Авария оставила его без ног.

Он уехал из Москвы, чтобы больше никогда никого не видеть. Купил дом на отшибе подмосковного городка и приготовился доживать — тихо, зло, в одиночестве.

Не вышло.

Хирург, друг покойного отца, силой навязал ему реабилитолога — и им оказалась не покладистая пожилая тётушка, а упрямая, дерзкая девушка, отказывающаяся признавать слово «невозможно». И она точно не из тех, кто уйдёт после первого грубого слова.

Что между ними? Война? Или что-то большое, чистое и светлое?

Роман о том, что настоящая сила — не в скорости и не в неуязвимости, а в умении подняться после падения. И в том, что рядом с правильным человеком возможно даже невозможное.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	46

Мила Роман

Шаг на встречу

Глава 1

Москва встречала октябрь золотом на бульварах и тем особым, стеклянным холодом по утрам, который бодрит сильнее кофе. Максим Раевский любил этот город именно таким — быстрым, равнодушным, готовым дать всё, если ты не боишься брать.

А Максим не боялся никогда.

Ему было двадцать девять, и он давно перестал удивляться собственной удаче — принимал её как погоду, как данность, с которой не спорят. Отец, Дмитрий Аркадьевич Раевский, поднял строительный холдинг из руин девяностых, а потом, за три года до смерти, безропотно передал сыну не столько дело, сколько инстинкт: не ждать разрешения, брать самому. Максим этот инстинкт не растратил — развил. Открыл своё маркетинговое агентство, когда все вокруг говорили, что рынок перегрет, и через пять лет «Raevsky & Bykov» обслуживало половину крупных ритейлеров страны.

Партнёром был Егор — друг ещё со второго курса Плехановки, человек с идеальной улыбкой и способностью нравиться клиентам с первой минуты. Максим придумывал

стратегии, Егор их продавал. Отличная связка, думал Максим. Годами думал.

Сегодня был четверг, и четверг означал одно: вечером — трасса.

— Ты серьёзно опять на этом своём звере? — Кристина сидела на подлокотнике дивана в его квартире на Патриарших, протянув свои красивые ноги на диван, и смотрела на него с той смесью восхищения и лёгкого упрёка, которая давно стала частью их отношений. — Максим, тебе двадцать девять, а не девятнадцать.

— Именно поэтому надо успеть, пока не тридцать, — он улынулся, застёгивая молнию на кожаной куртке. — Возраст — это же не про цифры, детка. Это про то, когда ты перестаёшь чувствовать скорость.

— Ты никогда не перестанешь. — Она закатила глаза, но улыбнулась, вставая и оправляя платье. — Просто вернись живым, ладно? У нас через две недели годовщина, я уже заказала столик в «Сахалине».

— Годовщина. — Он на секунду замер, посмотрел на неё — красивую, ухоженную, уверенную в себе женщину, с которой они встречались уже два года и всё чаще ловил себя на мысли, что пора сделать следующий шаг. Родители умерли, и некому было спросить «а ты уверен», но иногда ему казалось, что даже без вопроса ответ у него готов. — Я помню. Может, закажем заодно кольцо?

Кристина рассмеялась, но в глазах на секунду мелькнуло

что-то настоящее, почти детское.

— Только если самое лучшее.

— У меня других вариантов не бывает, — он подмигнул и вышел, оставив ее одну наслаждаться его предложением.

Мотоцикл ждал в подземном паркинге — чёрный «Дукати», единственная вещь, которую Максим действительно любил не за статус, а за ощущение, которое она дарила: чувство полной концентрации, когда весь мир сжимается до дороги перед тобой, и в это время не существует ни отца, которого больше нет, ни компании, ни отношений, ни вообще ничего, кроме скорости и собственного тела, идеально ей подчинённого.

Друзья звали его за эти вечера «безумцем», но Максим считал иначе. Безумец — это тот, кто не контролирует ситуацию. А он контролировал всегда. Знал каждый поворот трассы, знал, когда можно выжать сто восемьдесят, а когда сбросить до ста. У него был инстинкт — тот самый, отцовский, — и этот инстинкт ни разу его не подвёл.

— Куда сегодня? — спросил по громкой связи Дима, его личный помощник, которому он перед выездом ставил задачи на завтра на утро. Дима за много лет уже давно стал не просто правой рукой, но другом, на которого всегда можно положиться.

— На Ленинградку.

— Максим Дмитриевич, я утром позвоню, чтобы убедиться, что все в порядке...

— Дим, — рассмеялся Максим, выезжая из паркинга в вечерний город, — расслабься. Со мной ничего никогда не случится. Проверено годами.

Он не знал тогда, что это последняя фраза, которую он произнесёт как прежний человек.

Трасса за городом была почти пустой — час поздний, будни, только редкие фуры тащились по правому ряду, мигая аварийками на неровностях. Максим прибавил газу, чувствуя, как холодный воздух режет лицо через щель забрала, как вибрация двигателя отдаётся в костях, как весь этот вечер — Кристина, годовщина, разговоры про кольцо, компания, договоры, всё то, чем была набита его жизнь, — растворяется, оставляя только дорогу, ночь и стремительное, пьянящее чувство, что он бессмертен.

Спидометр показывал сто шестьдесят, когда впереди из бокового съезда, вопреки всем правилам, начала выруливать легковушка — водитель явно не заметил мотоцикл в темноте, или заметил слишком поздно, или просто был пьян, что бы это ни было, — не имело уже значения.

Максим среагировал мгновенно, как реагировал всегда. Резкое торможение, попытка уйти влево, в свободную полосу.

Но в этот единственный раз мир не подчинился его инстинкту.

Заднее колесо занесло на влажном асфальте. Мотоцикл вышел из-под контроля быстрее, чем сознание успело это

осознать — Максим почувствовал, как его отрывает от седла, как он летит, кувыркаясь, теряя ориентацию в пространстве, а потом раздался звук, который он запомнит — если запомнит вообще что-либо — как последний звук своей прежней жизни: глухой, страшный удар о бетонное ограждение разделительной полосы.

А потом — темнота.

Абсолютная, ничем не нарушаемая темнота, в которой не было ни скорости, ни адреналина, ни уверенности в собственной неуязвимости — ничего из того, чем был соткан Максим Раевский до этой секунды.

Глава 2

Дима не спал в ту ночь — не смог, хотя обещал себе лечь пораньше. Что-то тревожило его с того самого момента, как Максим Дмитриевич отключился на громкой связи, что-то в голосе шефа, слишком лёгком, слишком беззаботном для человека, который последние месяцы явно нёс в себе больше напряжения, чем показывал.

В два часа ночи телефон Димы разразился звонком с незнакомого номера. Он ответил сонным голосом и через десять секунд уже не спал вовсе.

— Это ГИБДД, Ленинградское шоссе, участок трассы М-10. У нас есть пострадавший, документы на имя Раевского Максима Дмитриевича, в телефоне последний набранный номер — ваш.

Дальше был вихрь — звонок Игорю Петровичу Шварёву, врачу, лучшему хирургу, который когда-то был другом семьи Раевских; гонка на такси через ночную Москву; приёмный покой института Склифосовского, залитый безжалостным белым светом; и врач, вышедший через сорок минут с лицом человека, который вынужден произносить слова, которые не хочет произносить никто.

— Множественные переломы, — сказал он тихо. — Серьёзная черепно-мозговая травма. Мы вводим в искусственную кому, чтобы снизить нагрузку на мозг. Дальше будет яс-

но.

— А позвоночник? — раздался голос сзади — Игорь Петрович успел приехать, несмотря на глубокую ночь, несмотря на то, что давно не оперировал сам, предпочитая консультировать. Он стоял, ещё не сняв пальто, с лицом человека, который тридцать лет назад держал на руках новорождённого Максима, потому что был лучшим другом его отца.

Врач помолчал.

— Компрессионный перелом на уровне Th12–L1. Пока рано говорить о прогнозе. Нужна операция, и как можно скорее.

— Я оперирую, — сказал Игорь Петрович. Это не было вопросом.

Операция шла семь часов.

Дима сидел в коридоре, глядя на дверь операционной, и думал о всех тех разгах, когда предупреждал шефа насчёт мотоцикла, и о том, каким глупым и мелочным казалось теперь это беспокойство по сравнению с тем, что происходило за этой дверью.

Он позвонил Кристине в четыре утра. Она не сразу поняла, о чём речь, а когда поняла — разрыдалась так искренне, так громко, что Дима на мгновение устыдился своих будущих сомнений в её чувствах. Она примчалась в больницу к шести, в наспех накинутом пальто поверх пижамы, и сидела рядом с Димой два дня, пока Максим оставался в коме, держа его руку, если это можно было назвать «его рукой» —

раздутой от капельниц, в гипсе до локтя.

— Он поправится, — повторяла она, как заклинание. — Максим не может не поправиться. Он же... он же непобедимый.

Дима молчал. Он видел заключение хирурга и знал то, чего Кристина знать пока не хотела.

Максим пробыл в коме одиннадцать дней.

Он не помнил самого пробуждения — только смутные обрывки: голоса, доносящиеся будто сквозь толщу воды, чей-то плач (кажется, Кристины), запах больницы, который он ненавидел ещё с детства, когда навещал в стационаре умирающую бабушку. А потом, постепенно, обрывки сложились в связную картину — белый потолок, капельница, боль, которую не могли до конца заглушить даже сильнейшие препараты, и лицо Игоря Петровича, склонившееся над ним с тем особенным, тяжёлым выражением, которое бывает у врачей, готовящихся сказать пациенту правду.

— Максим. Ты меня слышишь?

Голос вышел хриплым, чужим:

— Игорь Петрович... Что... что случилось?

— Авария на трассе. Ты помнишь?

Обрывки вернулись — свет фар легковушки, занос, удар о бетон. Максим невольно попытался пошевелиться, инстинктивно, как делает тело, проверяя себя после сна, — и не почувствовал ничего. Совсем ничего, от груди и ниже.

Паника поднялась настолько резко, что мониторы вокруг

тревожно запищали.

— Я не могу... — прохрипел он, широко раскрыв глаза.
— Игорь Петрович, я не чувствую ног. Я не чувствую вообще ничего!

Шварёв взял его за руку — ту, что ещё чувствовала прикосновения, — и сжал крепко, не отпуская взгляда.

— Максим, послушай меня. Ты жив. Это чудо, что ты жив после такого удара, слышишь меня? Чудо.

— К чёрту чудо! Что с моими ногами?!

Игорь Петрович помолчал секунду — ту самую секунду, которая для Максима растянулась в вечность, — и произнёс слова, которые перевернут всю его дальнейшую жизнь:

— Перелом позвоночника, Максим. Th12, если тебе это что-то говорит. Я сделал операцию, стабилизировал позвонки, но спинной мозг повреждён. Серьёзно повреждён.

— И что это значит? — голос упал до шёпота.

— Это значит, что тебе предстоит долгая борьба. Но я обязан сказать тебе правду сейчас, потому что ты имеешь на неё право: вероятность того, что ты снова сможешь ходить самостоятельно, крайне мала. Крайне.

В палате повисла тишина — та самая, абсолютная тишина, которую Максим уже слышал однажды, в ту секунду, когда мотоцикл врезался в ограждение. Только теперь она не заканчивалась пробуждением к прежней жизни.

Она была новой жизнью — тихой, неподвижной, ужасающе реальной.

— Уйдите, — сказал Максим тихо, глядя в потолок. — Пожалуйста. Все уйдите.

Игорь Петрович кивнул медсёстрам, и они одна за другой покинули палату. Только он сам ещё на секунду задержался у двери.

— Я знал твоего отца тридцать лет, Максим. Он бы гордился тобой в любом состоянии. Ты справишься. Не сегодня, может быть, не завтра. Но справишься.

Дверь закрылась. Максим Раевский остался один — впервые в жизни по-настоящему один, — и заплакал так, как не плакал с детства: беззвучно, содрогаясь всем телом, которое до пояса ещё умело чувствовать эту дрожь, а ниже не чувствовало уже ничего.

Глава 3

Первые недели в реабилитационном отделении слились для Максима в одну серую полосу — капельницы, перевязки, мучительные попытки физиотерапевтов расшевелить то, что не хотело шевелиться, и бесконечный, изматывающий страх перед завтрашним днём, который ничем не отличался от вчерашнего.

Поначалу к нему приходили все.

Кристина появлялась каждый день, приносила цветы, которые медсёстры вежливо просили не оставлять в палате из-за аллергиков по соседству, рассказывала последние сплетни из их круга, старательно не глядя на его неподвижные ноги под одеялом. Друзья — Костя, Паша, ребята из университетской компании, партнёры по бизнесу помельче — заходили компаниями по двое-трое, приносили дорогой коньяк, который Максиму нельзя было даже понюхать из-за препаратов, шутили натужно, чувствуя себя не в своей тарелке, и уходили с видимым облегчением, будто выполнили неприятную, но необходимую обязанность.

Егор приходил чаще других — почти через день, всегда с кофе из любимой кофейни Максима, всегда с папкой документов «на всякий случай, если тебе интересно, как дела в компании», всегда с тем особенным выражением искреннего сочувствия на лице, которое Максим тогда ещё не научился

различать за настоящей заботой скрытый расчёт.

— Как ты, дружище? — Егор садился на стул у кровати, аккуратно раскладывая документы на прикроватной тумбочке. — Врачи что говорят?

— Врачи говорят разное, — устало отвечал Максим. — Официально — «прогноз неопределённый». Неофициально Игорь Петрович честно сказал, что шансы невелики.

— Ты справишься, — Егор похлопывал его по плечу с той же уверенностью, с какой убеждал крупных клиентов подписать контракт. — Ты же Раевский. Вы, Раевские, всегда справляетесь.

— Как там компания?

— Держим оборону, — Егор коротко улыбался. — Клиенты, конечно, нервничают — Северсталь запрашивала личную встречу с тобой по новому проекту, я объяснил ситуацию, они выразили понимание, но... сам понимаешь, бизнес есть бизнес. Ты не переживай, я всё держу под контролем. Тебе сейчас нужно думать только о здоровье.

— Спасибо, Егор. Не знаю, что бы я без тебя делал.

Тогда эти слова были искренними. Максим действительно считал, что без Егора его дело развалилось бы за неделю.

Постепенно визиты друзей становились реже. Сначала Костя перестал приходить каждую неделю — «завал на работе, извини, брат, на выходных обязательно». Потом Паша ограничился одним букетом и коротким сообщением в мессенджере «держишься, если что — звони». К концу второго ме-

сяца в палате навещал регулярно только Дима — тихий, преданный, не пропускавший ни одного дня, приносивший книги вместо цветов, потому что знал: Максиму нужно чем-то занять голову, а не украшать интерьер.

— Они просто не знают, что говорить, — оправдывал друзей Дима как-то вечером, заметив, каким взглядом Максим проводил очередное сообщение «извини, не смогу сегодня». — Люди боятся больниц. Боятся не столько за вас, сколько того, что не найдут нужных слов.

— Или боятся, что неудача заразна, — тихо ответил Максим, глядя в окно. — Что если посмотреть слишком долго на человека, у которого всё рухнуло, — своё тоже начнёт рушиться.

Дима не нашёлся, что возразить, потому что в глубине души подозревал: шеф прав.

Кристина держалась дольше всех — почти три месяца ежедневных визитов, но Максим начал замечать перемены задолго до того, как признался себе в очевидном. Её визиты становились короче. Разговоры — более поверхностными. Она всё чаще смотрела в телефон, отвечая на сообщения с той быстротой, которая выдаёт либо крайнюю важность переписки, либо крайнее желание сбежать от неловкой реальности палаты.

— У тебя всё в порядке? — спросил он однажды, заметив, как она украдкой убрала телефон в сумочку при его вопросе.

— Конечно, — она улыбнулась своей идеальной улыбкой,

но глаза не улыбались вовсе. — Просто рабочие дела. Съёмки, знаешь, вечная суета.

Он не стал настаивать. Тогда ещё не хотел знать правду.

Глава 4

Выписали Максима через пять месяцев — в инвалидном кресле, с курсом реабилитации «по месту жительства», с ворохом рецептов и рекомендаций и с телом, которое до пояса всё ещё казалось ему чужим, одолженным у кого-то другого.

Квартира на Патриарших встретила его пугающей непригодностью — узкие дверные проёмы, ступеньки при входе, высокая ванна, в которую он физически не мог попасть без посторонней помощи. Дима за неделю до выписки нанял рабочих, расширил дверные проёмы, установил пандус, но всё равно каждый предмет интерьера, который раньше казался Максиму символом успеха — дизайнерская мебель, паркет ручной укладки, панорамные окна, — теперь ощущался напоминанием о жизни, которая больше ему не принадлежала.

Кристина переехала к нему через неделю после выписки — «чтобы помогать», как она объясняла подругам, хотя помощь свелась в основном к вызову сиделки на дневные часы, пока сама Кристина пропадала на съёмках, кастингах и загадочных «встречах с продюсерами».

Максим замечал перемены, но упорно отказывался признавать правду. Слишком страшно было потерять человека, который, как ему казалось, всё ещё видел в нём не инвалида, а мужчину, за которого когда-то согласилась выйти замуж,

пусть предложение и не было произнесено официально.

Правда открылась случайно, как чаще всего и открывается.

Дима заехал вечером — обсудить очередные бумаги по компании, которые Егор настойчиво просил подписать «для оперативности», — и застал Максима одного в гостиной, листающего договор при тусклом свете настольной лампы.

— Кристины нет? — спросил Дима, оглядываясь.

— На съёмках, — коротко ответил Максим. — До полуночи, наверное.

Дима как-то странно замялся, потом всё же произнёс:

— Максим Дмитриевич... можно личный вопрос?

— Валяй.

— Вы уверены, что она на съёмках? Просто... я на прошлой неделе видел её в ресторане на Патриках. С мужчиной. Не подумал ничего плохого, мало ли, деловая встреча, но... они сидели очень близко. И держались за руки.

Максим замер, глядя на договор перед собой, не видя ни строчки текста.

— С каким мужчиной?

— Не знаю его. Высокий, светлый, за столиком у окна. Максим Дмитриевич, простите, если я лезу не в своё дело, но мне казалось, вы должны знать.

Той же ночью, когда Кристина вернулась в начале первого, пахнувшая чужим парфюмом и оправдывающаяся усталым тоном про «безумную смену», Максим уже знал всё —

не потому, что специально проверял её телефон, а потому что она сама, разгорячённая, не заметила, как экран засветился уведомлением от контакта, сохранённого под именем «Артур #».

Он не устроил сцены. Не кричал, не бросал в неё предметами — да и не мог бы, физически. Просто спокойно спросил, кто такой Артур, и наблюдал, как её лицо медленно теряет всю уверенность, всю привычную безупречность.

— Максим, это... это не то, что ты думаешь.

— Кристина, — он произнёс её имя устало, без злости, только с бесконечной усталостью человека, который слишком много пережил за последний год, чтобы иметь силы на ещё один удар. — Не надо. Просто скажи правду.

Правда оказалась банальной, как в дешёвом сериале: Артур, продюсер модельного агентства, начал ухаживать за ней ещё в третьем месяце больничной эпопеи Максима, когда она уже начала осознавать, что человек, за которого она собиралась замуж, больше никогда не встанет с инвалидного кресла, и её будущее — то самое будущее с обручальным кольцом «самым лучшим», о котором они шутили перед той роковой поездкой, — рушится вместе с его позвоночником.

— Я пыталась остаться, — сказала она, и в этом, по крайней мере, была честна. — Правда пыталась. Но, Максим, пойми меня, я не готова... я не могу провести с тобой всю жизнь вот так. Я слишком молода, у меня карьера, я хочу детей, путешествия, нормальную жизнь, а не... — она осек-

лась, но было поздно.

— А не жизнь с инвалидом, — закончил он за неё ровным голосом.

Кристина заплакала, но эти слёзы почему-то не вызывали в нём ничего, кроме холодного, отстранённого понимания. Она права. Права в том смысле, что не обязана себя ломать ради человека, которого больше не любит настолько сильно, чтобы принять его новую жизнь.

— Собери вещи, — сказал он тихо. — Я не держу тебя.

Она ушла тем же вечером, оставив после себя только едва уловимый запах духов и полное, оглушительное молчание квартиры, в которой Максим Раевский впервые за последние месяцы остался абсолютно один — без родителей, без невесты, которую он так и не успел сделать невестой официально, с постепенно редеющим кругом друзей и с ногами, которые упорно отказывались чувствовать хоть что-нибудь.

Он смотрел на закрывшуюся за ней дверь и думал: сколько же ещё нужно потерять, прежде чем достигнешь дна?

Ответ на этот вопрос ждал его буквально через неделю.

Глава 5

Документы, которые Дима привозил на подпись последние недели, Максим просматривал всё более рассеянно — часть его сознания ещё была занята уходом Кристины, часть — бесконечными упражнениями, которые предписывал реабилитационный центр и которые не давали никакого результата, кроме изматывающей боли и растущего отчаяния.

Егор этим пользовался — не то чтобы Максим мог сразу это доказать, но задним числом, вспоминая всё произошедшее, он понимал: партнёр выбирал моменты для визитов с хирургической точностью, всегда приходя именно тогда, когда Максим был вымотан до предела и меньше всего расположен вчитываться в мелкий шрифт.

— Тут просто реструктуризация долей, — Егор в очередной раз разложил бумаги на столе перед креслом Максима, разговаривая тем непринуждённым, уверенным тоном, каким всегда убеждал клиентов. — Формальность, чтобы упростить операционное управление, пока ты восстанавливаешься. Ты же не хочешь тратить силы на подписание каждой мелкой бумажки?

— Не хочу, — согласился тогда Максим, действительно не хотевший ничего, кроме тишины и отсутствия дополнительных проблем. — Доверяю тебе, Егор. Ты же лучший друг.

Он подписывал не глядя — раз, другой, третий. Доверен-

ность на управление операционной деятельностью. Изменение состава учредителей «в связи с временной нетрудоспособностью одного из партнёров». Реструктуризация долей «для привлечения нового инвестора».

Прозрение пришло спустя два месяца, когда бухгалтер компании — тихая, немолодая женщина по имени Валентина Сергеевна, работавшая с Максимом ещё с самого основания фирмы, — позвонила ему лично, вопреки прямому запрету Егора.

— Максим Дмитриевич, простите, что беспокою, — голос дрожал от волнения, — но я не могу молчать. Вы знаете, что ваша доля в компании теперь составляет пятнадцать процентов?

— Что? — Максим переспросил, чувствуя, как земля, и без того нестабильная под ним, окончательно уходит из-под несуществующих ног. — Пятнадцать процентов чего?

— Компании, Максим Дмитриевич. Вы подписали документы о допэмиссии в пользу нового инвестора — некоего фонда, за которым, судя по всему, стоит сам Егор Николаевич через доверенных лиц. Ваша доля размылась с пятидесяти до пятнадцати процентов. Формально всё законно, вы сами подписали каждую бумагу.

Максим долго молчал в трубку, пытаясь осознать масштаб происходящего.

— А сам Егор? Его доля?

— Выросла до контрольного пакета. Он теперь фактиче-

ски единоличный собственник компании, которую вы вместе создавали.

Той же ночью Максим не спал — впервые за долгое время не из-за физической боли, а из-за боли иного рода, той самой, которую невозможно снять ни одним обезболивающим: боли от осознания, что человек, которого он считал ближе брата, все эти месяцы методично, документ за документом, лишал его бизнеса, пользуясь беспомощностью друга как единственным необходимым инструментом.

Разговор с Егором состоялся на следующий день — коротким, ледяным, без единого повышенного тона с обеих сторон, потому что Максим слишком хорошо усвоил урок предыдущих месяцев: эмоции ничего не меняют, когда против тебя работают юристы и подписанные документы.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — спросил Максим, глядя на бывшего друга через экран видеозвонка — сам Егор больше не утруждал себя личными визитами.

— Максим, — Егор вздохнул с видом человека, вынужденного объяснять очевидное, — я спас компанию. Пока ты валялся в реабилитации, я держал на себе всё — клиентов, персонал, тендеры. Ты был не в состоянии принимать решения, а бизнес не может ждать, пока ты соберёшься с силами. Я просто формализовал реальность.

— Ты обманул меня. Пользуясь тем, что я подписывал документы не глядя, потому что доверял тебе.

— Я никого не обманывал. Всё абсолютно законно, мо-

жешь проверить у любого юриста. Ты сам подписал каждую бумагу собственной подписью.

— Формально законно и порядочно — разные вещи, Егор.

— Знаешь, что смешно? — голос Егора впервые за разговор дрогнул, обнажив что-то, давно скрываемое под маской дружбы. — Все эти годы я работал не меньше тебя. Но именно ты был Раевский, именно за твоей фамилией стояли отцовские связи, именно тебе доставались лавры на каждой презентации, пока я разгребал операционку. Я устал быть вторым, Максим. А теперь, когда у меня появился шанс стать первым, ты хочешь, чтобы я по-прежнему довольствовался вторыми ролями из чувства ложной вины перед калекой?

Слово повисло между ними — грубое, жестокое, произнесённое, кажется, впервые в лицо, а не за спиной.

Максим молчал долго, прежде чем ответить.

— Спасибо за откровенность, Егор. Хотя бы это ты сделал честно.

Он отключил звонок и ещё долго сидел неподвижно в темнеющей гостиной, глядя на потухший экран, понимая, что за последний год потерял не только способность ходить — он потерял всё, ради чего эта способность вообще была ему когда-то нужна: любимую женщину, лучшего друга, дело всей жизни.

Осталось только пятнадцать процентов от компании, которую он строил с нуля, — символическая доля, годная разве что на память о том, каким он был раньше.

Глава 6

Загородный дом в Барвихе — тот самый, который отец выстроил ещё в начале двухтысячных, тот самый, где Максим провёл всё детство, где на стенах до сих пор висели фотографии семьи, где в кабинете отца стоял его любимый кожаный диван, — выставили на продажу в феврале, спустя восемь месяцев после несчастного случая. Решение далось тяжелее, чем потеря компании. Компания была частью Максима, его достижением, но дом был частью его прошлого, частью родителей, которых больше не было рядом. — Ты уверен? — переспросил риелтор, немолодой мужчина с внимательными глазами, явно уже наслышанный из базы знакомых о последних злоключениях Раевского. — Дом уникальный, участок прекрасный, при терпении можно получить хорошую цену. — Я не могу там жить, — коротко Максим. Он не объяснил, что имеет в виду не только физическую непригодность особняка к инвалидной коляске — три этажа, узкие лестницы, отсутствие лифта, — но и то, что каждая комната этого дома кричала о прежней жизни, в которой он бежал по этим лестницам, играл во дворе в футбол с отцом, а потом, повзрослев, устраивал шумные вечеринки для друзей, которые теперь даже не вспоминают о нем. Дом продали за две недели — покупатель, крупный чиновник из соседнего ведомства, даже не торговался особо. Квартиру на

Патриарших Максим решил не продавать — Дима, который к тому моменту стал единственным человеком, по мнению Максима, на которого он мог полностью положиться, отговорил его от поспешного шага. — Максим Дмитриевич, продать всегда получится, — рассудительно заметил Дима. — А вот купить обратно такую квартиру в этом районе потом уже не получится. Сдайте через агентство, будет стабильный доход, и там видно будет. Максим отнесся к этому предложению без особой заинтересованности — в последние месяцы у него вообще не осталось энтузиазма ни по одному вопросу. В последнее время Максима посещала мысль, которой он потом стыдился, но она снова и снова возвращалась к нему. Однажды вечером он сидел у окна, глядя на заснеженные крыши Патриарших прудов, Туда, где-то катался на коньках ещё школьником, где потом гулял с Кристиной в их первое лето вместе, — и думал о том, что жизнь, которую он ведёт, вообще теперь не напоминает ему «жизнь». Бесконечная боль, которая не проходила ни днём, ни ночью. Ноги, ставшие чужим, бесполезным грузом. Друзья, растворившиеся в воздухе, будто их никогда и не было. Невеста, способная на любовь только к успешной версии его самого. Лучший друг, обокравший его до нитки, пока он беспомощно лежал в больничной палате. Что, если просто закончить всё это? Мысль пришла отчётливо, почти буднично — не как драматический порыв, а как холодный, рациональный вывод, к которому логически подводило всё, что

с ним произошло за последние месяцы. Он выехал в кресле на балкон, и долго смотрел вниз, на пустой двор, освещённый жёлтым светом фонарей. Двенадцатый этаж. Достаточно высоко. Максим сидел так несколько минут, может, больше. Было и страшно и хотелось сделать этот последний шаг, поставить эту финальную точку в истории, которая перестала иметь для него смысл. А потом вспомнил вкус утреннего кофе, который раньше варил себе каждое утро, — простой ритуал, время наедине с собой, до того, как началась суeta. Вспомнил закат над морем в Черногории, куда ездил каждое лето. Вспомнил смех — свой смех, просторный, искренний, ненаигранный. Вспомнил как смеялся в детстве, когда отец подбрасывал его в воздух. Он вдруг с отчетливой ясностью понял: несмотря на всё пережитое, несмотря на боль, предательство, одиночество — он всё ещё хотел жить. Отчаянно, вопреки своему желанию поставить точку. Но разве сейчас это жизнь? Максим вернулся в комнату и впервые за много месяцев заплакал не от отчаяния, а от какого-то странного, почти пугающего облегчения — облегчения человека, который заглянул в пропасть и всё же нашёл в себе силы отступить от края. «Раз я не готов умереть, — подумал он, вытирая слезы, — значит, нужно найти способ жить по-новому. Но точно не здесь. Не среди всего того, что напоминает мне о том, кем я был». Утром он снова позвонил риелтору. — Мне нужен небольшой дом. Где-то за городом, подальше от Москвы. Тихое место, где меня никто не знает.

Глава 7

Городок нашёлся быстро — риелтор, специализирующийся на загородной недвижимости, предложил несколько вариантов, но выбор Максима пал на дом в Сосновке, маленького подмосковного городка в полутора часах езды от Москвы, о существовании которого он раньше даже не подозревал.

Дом стоял на отшибе, за старым яблоневым садом, удаленный от соседей на приличное расстояние — именно то, что нужно было Максиму, отчаянно не желавшему видеть ни тяжелого сочувствующего, ни, того хуже, любопытного взгляда. Одноэтажный, просторный, недавно отремонтированный прежними хозяевами — широкие дверные проёмы, минимум порогов, большая ванная комната, которую легко было переоборудовать под нужды инвалидных колясок.

— Идеально, — коротко резюмировал Максим при осмотре, впервые за долгое время испытывая что-то похожее на размышления.

Переезд состоялся в начале апреля, когда в Сосновке уже вовсю таял снег, обнажая раскисшие просёлочные дороги и первую робкую зелень на старых яблонях за окнами нового дома.

Дима помогал организовывать переезд, нанял бригаду грузчиков, лично следил за установкой пандусов и поручней. Максим предложил ему приобрести дом по соседству. Но он

категорически отказался переезжать.

— Максим Дмитриевич, простите, но я не готов похоронить себя в глуши в двадцать шесть лет, — честно признался он, за что Максим, как ни странно, зауважал его ещё больше — за честность, которой так не хватало в последние месяцы. — Буду приезжать каждую неделю, привозить продукты, решать вопросы с документами. Но жить здесь — увольте.

— Понимаю, — Максим не обиделся. — Спасибо, что вообще остался рядом.

Первые недели в Сосновке прошли почти в одиночестве. Максим нанял через агентство сиделку на несколько часов в день — пожилую немногословную женщину по имени Раиса Ивановна, которая готовила еду, занималась бытовыми делами, и, к облегчению Максима, никогда не задавала лишних вопросов и не думала заводить душевительные беседы.

Соседкой оказалась Тамара Петровна — женщина лет шестидесяти пяти, жившая через дом, с неистребимым любопытством провинциальной жительницы и добрым сердцем, которое, Максим поначалу принял за назойливость.

— Сынок, — сказала она однажды, заставив его во дворе, куда выехал, решив подышать воздухом, — а чего один-то сидишь? Пирожков вот принесла, с капустой, свежие.

— Спасибо, не нужно, — резко отрезал Максим, хотя запах пирожков действительно был соблазнительным. — Я не голоден.

— Ну как знаешь, — Тамара Петровна, кстати, ничуть не

обиделась, оставила тарелку на крыльце и ушла, ворча себе под нос что-то о молодых людях, которые слишком горды.

Дом Максим обставил по минимуму — необходимую мебель, приспособленную под его нужды, никаких лишних украшений, никаких напоминаний о прошлой роскоши. Он не хотел ничего, что могло бы напоминать ему человека, которым он был раньше, — успешного, уверенного в себе, любящего скорость и адреналин Максима Раевского. Тот человек умер на трассе в ту октябрьскую ночь, пусть его тело формально продолжало существовать.

Дни тянулись однообразно и пусто. Максим не хотел ничего видеть, ничего делать, ни к чему стремиться. Боль в спине стала его постоянным спутником, поднимаясь по вечерам с особой силой, лишая сна, заставляя лежать без движения, глядя в потолок и думая о том, что жизнь, которую он сам себе выбрал, в этой глуши, мало чем отличается от той пропасти, из которой он когда-то вышел, уйдя с балкона московской квартиры.

Единственный человек, кроме Тамары Петровны и Раисы Ивановны, который продолжал регулярно навещать его, Игорь Петрович Шварёв.

Хирург приезжал раз в две-три недели, привозя лекарства, проверяя состояние швов. Но с каждым визитом Максим замечал в его взгляде растущую тревогу — не умеренную, а какую-то иную, человеческую.

— Максим, — сказал Игорь Петрович однажды в конце

июля, заставив его неподвижно сидеть у окна, в комнате с задёрнутыми шторами, несмотря на прекрасный летний день на улице. — Так больше нельзя.

— Что нельзя? — безучастно спросил Максим.

— Вот это, — Игорь Петрович обвёл рукой комнату, полумрак, застоявшийся воздух. — Ты не живёшь, Максим. Ты существуешь. А это разные вещи.

— Мне и так сойдёт.

— Не сойдёт, — твёрдо возразил хирург, присаживаясь напротив. — Я же с рождения тебя знаю. Я не могу позволить тебе так хоронить себя заживо. И как врач я не могу больше молчать: тебе нужен реабилитолог. Постоянный, профессиональный, систематически работающий с тобой, а не жалкие упражнения раз в месяц, которые ты, я уверен, даже не пытаешься выполнять между визитами.

— Не пытаюсь, — честно признался Максим. — Какой смысл, Игорь Петрович? Вы же сами сказали — я не смогу ходить.

— Я сказал, что вероятность низкая. Низкая — не значит нулевая. И даже если ходить ты никогда больше не сможешь, грамотная реабилитация уменьшит боль, предотвратит атрофию мышц, улучшит общее состояние организма. Ты хочешь провести остаток жизни в этой постоянной мучительной боли, или хочешь попробовать ее побороть?

Максим долго молчал, глядя в окно на пожелтевшую от жары траву.

— Хорошо, — произнес он наконец, устало махнув рукой.
— Найдите мне кого-нибудь. Только пусть не докучает разговорами.

Игорь Петрович улыбнулся — сдержанно, но с явным облегчением.

— Я знаю несколько хороших специалистов в Москве, могу договориться о выезде...

— Нет, — перебил Максим. — Не хочу московских специалистов. Найдите кого-нибудь местного, в Сосновке или рядом. Подешевле. Денег у меня теперь не так много, как раньше, если вы ещё не в курсе.

— Хорошо, спрашиваю. Но, Максим, обещаю тебе одно: кого бы я ни нашёл, ты дашь этому человеку шанс. Не отпугнёшь через неделю своим характером, как отпугнул уже половину знакомых мне реабилитологов.

— Постараюсь, — сухо ответил Максим, хотя в душе уже знал: обещание это будет не так-то легко держать.

Он не подозревал тогда, с кем ему придется работать — потому что специалист, которого найдёт Игорь Петрович буквально через неделю, окажется не робким, покладистым человеком, готовым терпеть его дурной характер, а молодой женщиной с не менее упрямым нравом, чем у него самого.

Глава 8

Алина открыла глаза в шесть утра, как делала это каждый день в последние четыре года, — задолго до будильника, по давней привычке, оставшейся еще с тех времен, когда утром нужно было успеть сделать отцу все необходимые процедуры до того, как она уедет на занятия в институт.

Отца не стало почти четыре года назад, но привычка просыпаться рано осталась — как и многое другое из тех лет, что навсегда изменило ее саму.

Ей было восемнадцать, когда отец, водитель дальнбойщик, попал в аварию на трассе М-7 — фура, потерявшая управление на скользкой дороге, столкновение, диагноз, звучавший пугающе — повреждение спинного мозга.

Мать, не выдержавшая тяжести ухода за парализованным мужем. Спустя шесть месяцев она осталась жить в том же доме, но перестала, как будто, существовать в эмоциональном состоянии, замкнувшись в горе самостоятельно, настолько, что вся забота об отце легла на плечи восемнадцатилетней Алины.

Тогда она узнала, что такое настоящее отчаяние — то, что накапливается годами, оседает в костях, становится частью тебя самой. Узнала, что такое пролежни, катетеры, спазмы, бессонные ночи у постели больного, который то благодарит тебя со слезами на глазах, то срывается в отчаянии, крича,

что лучше бы сразу умер.

И узнала, что при должном упорстве и вере в возможности человеческого тела можно добиться результатов, которые врачи изначально называли невозможными.

Отец так и не смог ходить полностью самостоятельно, но благодаря годам упорной работы — сначала с профессиональным реабилитологом, которого Алина, тогда еще студентка первого курса медицинского колледжа, наблюдала с жадным вниманием, впитывая каждое движение, каждый прием, а потом, когда деньги закончились, самостоятельно, по учебникам и видеоурокам, — отец сумел добиться частичной подвижности, самостоятельно пересаживаться из кресла на кровать, отчасти обслуживать себя, вернуть хотя бы каплю от его физических возможностей.

Он умер, когда Алине было двадцать два — не от травмы, а от обычного, банального инфаркта, ставшего результатом многолетнего стресса и малоподвижного образа жизни. Умер спокойно, во сне. А до этого он успел сказать слова, которые она пронесла через все последующие годы, как главный компас своей жизни:

— Ты дала мне четыре года настоящей жизни вместо прозябания, доченька. Обещай мне, что не бросишь это дело. Сколько бы людей ты ещё смогла спасти от того, через что мы прошли с тобой.

Алина обещание сдержала. Окончила медицинский колледж с отличием, потом ускоренные курсы по реабилитац

онной медицине в Москве, стажировалась в лучших центрах страны, и хотя могла бы остаться в столице, где зарплаты были в разы выше, вернулась в родную Сосновку — маленький, тихий городок, где выросла, где остались могилы родителей, где, как ей казалось, она нужнее, чем в требовательных московских клиниках.

За четыре года практики Алина заработала репутацию едва ли не лучшего реабилитолога в области — упрямая, требовательная, категорически не признающая слово «невозможно» в применении к человеческому телу, но при этом очень теплая и терпеливая с самими пациентами, особенно с тем, кто, как ее покойный отец, поначалу отказался верить в собственные силы.

Обычно ее телефон начинал звонить с самого утра — сафьянное радио маленького города работало лучше любой рекламы, — но звонок в тот день оказался особенным.

— Алина Игоревна? — голос в трубке звучал солидно, немолодо. — Меня зовут Игорь Петрович Шварёв, я хирург из Москвы. Мне порекомендовали вас как лучшего специалиста в Сосновке.

— Слушаю вас, Игорь Петрович.

— У моего пациента, молодого, двадцати девяти лет, компрессионный перелом позвоночника после аварии на мотоцикле почти год назад, спинной мозг повреждён, прогноз по восстановлению не утешительный. Живёт в твоём городе, точнее на окраине, купил там дом после... — Шварёв помед-

лил, — после довольно тяжёлого периода в жизни. Ему нужна системная реабилитация, но, признаюсь честно, характер у него сейчас не самый лёгкий.

Алина внимательно слушала, машинально делая пометки в блокноте, которые всегда держала под рукой.

— Понимаю. Такое часто случается после травм подобного рода, особенно если пациент вел активный образ жизни. Расскажите подробнее о его состоянии.

Шварёв изложил медицинские детали — уровень повреждения, последние обследования, текущие измерения и рекомендации, — и Алина, слушая, почувствовала знакомое чувство, возникающее у нее каждый раз при разговоре о новом сложном результате: смесь профессионального азарта и глубокого, почти инстинктивного сочувствия к человеку, которого она ещё даже не видела.

— Я готова взяться, — сказала она, когда Шварёв закончил. — Хотя необходимо достичь результата: если пациент действительно настроен так пессимистично, как вы описываете, работа будет фундаментальной. Мне придется работать не только с телом, но и с головой.

— Именно поэтому я звоню вам, а не первому попавшемуся специалисту по объявлению, — в голосе Шварёва впервые за разговор прозвучало облегчение. — Мне сказали, вы умеете найти подход даже к самым тяжелым пациентам и доводите их до результата.

— Постараюсь оправдать репутацию, — Алина улыбну-

лась в трубку, хотя собеседник не мог этого видеть. — Когда можно начать?

— Чем скорее, тем лучше. Честно говоря, я опасаюсь, что если затянется, он просто закроется окончательно и никого больше на порог не пустит.

Договорившись о первом визите на следующий день, Али-на включила трубку и еще долго сидела, глядя в окно своего маленького кабинета, устроенного в переоборудованной комнате родительского дома, — думая о незнакомом ей пока Максиме Раевском, о его боли, о его закрытости, вспоминая своего отца в первые, самые тяжёлые месяцы после происшествия, когда он тоже готов был оттолкнуть весь мир, лишь бы не видеть жалости в чужих глазах.

«Я знаю, каково тебе сейчас, — подумала она с той заботой, которая всегда появлялась при мысли о ее пациентах. — И я не позволю тебе сдаться так легко, чего бы мне это ни стоило».

Глава 9

Максим слышал звук подъезжающей машины ровно в десять утра — не раньше и не позже, что уже само по себе показалось ему подозрительным. Люди, приезжающие точно в назначенное время, обычно либо военные, либо занудные педанты, а с последними у него давние счёты ещё со времён университета.

Он специально не спешил к двери, оставаясь в гостиной, — пусть новый реабилитолог, кем бы он ни оказался, сам почувствует, что здесь ему не рады.

В дверь позвонили. Раиса Ивановна, хлопотавшая на кухне, поспешила открыть, и через минуту в гостиную вошла девушка, при виде которой Максим мысленно поправил свои ожидания сразу в нескольких пунктах.

Он представлял себе кого-то постарше, посолиднее — опытного специалиста строгого вида, вроде медсестры из советских фильмов. Вместо этого перед ним стояла молодая женщина лет двадцати пяти, невысокая, стройная, с густыми светлыми волосами, собранными в простой хвост, в удобном спортивном костюме и с рюкзаком через плечо вместо привычного докторского саквояжа. Единственное, что соответствовало его ожиданиям, — цепкий, внимательный взгляд карих глаз, которым она за секунду успела окинуть и его самого, и инвалидное кресло, и всю полутёмную, неухоженную

комнату.

— Максим Дмитриевич? — она протянула руку для рукопожатия, не выказывая ни малейшего смущения, ни той приторной жалости, которую Максим давно научился распознавать в глазах новых знакомых и от которой уже физически уставал. — Алина Веснина, реабилитолог. Игорь Петрович вам обо мне рассказывал?

— Упоминал, — коротко ответил Максим, пожимая протянутую руку без особого энтузиазма. — Признаться, я ожидал кого-то постарше.

— Разочарованы? — в её голосе прозвучала лёгкая ирония, без тени обиды.

— Скорее удивлён, — процедил он, раздражение уже начинало подниматься где-то внутри. — Обычно молодые специалисты предпочитают работать в столичных клиниках, где и платят больше, и престижнее возиться со здоровыми пациентами, а не с инвалидами вроде меня.

— У меня другие приоритеты, — сухо ответила Алина, ставя рюкзак на стул и доставая планшет с медицинской документацией, будто не заметив язвительности в его последних словах. — Давайте перейдём к делу. Мне нужно ознакомиться с историей вашего заболевания, провести первичный осмотр, оценить мышечный тонус, амплитуду пассивных движений, наличие...

— Не нужно, — резко перебил Максим, чувствуя, как раздражение перерастает в откровенную злость. — Игорь Пет-

рович наверняка уже переслал вам все документы. Прогноз вы знаете не хуже меня — ходить я не буду. Может, обойдётся без этого унижительного цирка с осмотром, и вы просто скажете, что конкретно собираетесь делать, чтобы я мог оценить, есть ли во всём этом хоть какой-то смысл?

Алина на мгновение замерла, оценивающе глядя на него, а потом медленно отложила планшет на журнальный столик.

— Хорошо, — сказала она спокойно, слишком спокойно для человека, только что выслушавшего откровенную грубость. — Раз вы предпочитаете сразу к делу — давайте к делу. Моя задача не в том, чтобы заставить вас ходить вопреки прогнозам врачей. Моя задача — сделать так, чтобы ваше тело функционировало максимально эффективно в тех условиях, в которых оно сейчас находится. Уменьшить боль, предотвратить контрактуры, укрепить те группы мышц, что ещё поддаются контролю, улучшить кровообращение, снизить риск пролежней. Это не магия и не чудо-исцеление, о котором вы, возможно, читали в интернете в приступе отчаяния. Это методичная, ежедневная работа, результаты которой не появляются за один день.

— Звучит воодушевляюще, — бросил Максим с нескрываемым сарказмом, чувствуя, как внутри закипает что-то давно копившееся, требующее выхода. — Знаете что, Алина... как вас там... Веснина? Я за последнее время наслушался достаточно воодушевляющих речей от целой армии специалистов — все как один обещали методичную работу,

результаты, прогресс. И где эти результаты? Я всё так же сижу в этом кресле.

— Я не обещаю воодушевления, Максим Дмитриевич, — она не отвела взгляда, хотя голос её звучал по-прежнему ровно. — Я обещаю результат — при условии, что вы будете сотрудничать, а не саботировать процесс из-за жалости к себе.

Это оказалось последней каплей.

— Жалости к себе? — переспросил он, голос его сорвался на резкий, злой тон, эхом разлетевшийся по притихшей комнате. — Вы вообще представляете, через что я прошёл за этот год? Кто вы такая, чтобы являться в мой дом и с порога обвинять меня в жалости к себе?

— Представляю, в общих чертах, — она не дрогнула, не отступила ни на шаг, встречая его вспышку гнева тем же спокойным, оценивающим взглядом. — Авария, потеря подвижности, судя по документам — и, простите за прямоту, судя по атмосфере этого дома, — потеря привычного образа жизни и, возможно, близких людей, которые не выдержали новой реальности. Это действительно тяжело, и я вам искренне сочувствую. Но моё сочувствие не безгранично, потому что бесконечная жалость к пациенту разрушительнее любой болезни. Она учит человека быть беспомощным вместо того, чтобы бороться за максимум возможного.

— А если я не хочу бороться? — выкрикнул он, впервые за долгое время повышая голос настолько, что где-то на кухне звякнула посуда — Раиса Ивановна, вероятно, замерла,

прислушиваясь к разгорающемуся конфликту. — Если меня вполне устраивает то, как я живу сейчас?

Алина окинула взглядом полутёмную комнату с задёрнутыми шторами, нетронутую тарелку с остывшим завтраком на журнальном столике, общую атмосферу застоявшегося отчаяния, разлитую по всему дому, — и в этом взгляде читалось куда больше, чем в любых словах.

— Не устраивает, — сказала она просто, без тени сомнения. — Иначе вы не согласились бы на реабилитацию, которую Игорь Петрович настойчиво пробивал для вас. Людей, которых действительно устраивает подобное существование, не удаётся уговорить на специалиста из одного упрямства старого хирурга.

Максим устался на неё, чувствуя, как злость внутри него борется с невольным, раздражающим его самого восхищением перед этой дерзостью.

— Вы всегда настолько бесцеремонны со своими пациентами? — процедил он.

— Только с теми, кто пытается прикрыться сарказмом и криком вместо честного разговора, — парировала Алина, и на её губах впервые мелькнула лёгкая, почти незаметная улыбка. — Итак, Максим Дмитриевич, у нас есть выбор. Либо мы продолжаем сегодняшний обмен колкостями, и я уезжаю, доложив Игорю Петровичу, что пациент не готов к сотрудничеству. Либо вы позволяете мне провести осмотр, и мы приступаем к работе, первые результаты которой вы по-

чувствуете уже через месяц регулярных занятий.

Максим долго молчал, глядя на эту невозможную девушку, посмеившую разговаривать с ним — потомственным миллионером, привыкшим за всю свою прежнюю жизнь к сплошному подобострастию окружающих, — тоном строгой учительницы, отчитывающей нерадивого, капризного ученика. Гнев внутри него всё ещё бурлил, требуя выхода, но где-то под этим гневом, помимо его воли, шевельнулось что-то ещё — усталое, застарелое любопытство: а что, если она права?

— Хорошо, — произнёс он наконец, неохотно разворачивая кресло в сторону кабинета, переоборудованного под процедурный. — Проводите ваш осмотр. Но предупреждаю сразу: я не собираюсь верить в чудеса.

— А я и не прошу верить в чудеса, — ответила Алина, следуя за ним с планшетом наперевес, и в её голосе снова прозвучала та же спокойная, непоколебимая уверенность. — Я прошу верить в методичную работу. Это куда надёжнее любых чудес.

Ни один из них тогда ещё не подозревал, что эта первая, полная взаимной колкости и с трудом сдерживаемой злости встреча станет началом истории, которая перевернёт их жизни куда сильнее, чем любое чудо, в которое они оба поначалу отказывались верить.

Глава 10

Первый месяц занятий с Алиной оказался куда тяжелее, чем он готов был признать вслух. Она приезжала три раза в неделю, ровно в десять утра, и с механической неумолимостью выстраивала полуторачасовые сессии — пассивная разработка суставов, боковая гимнастика, массаж, укрепление верхнего плечевого пояса, компенсаторные техники для мышц, где ещё сохранялась частичная чувствительность в области бёдер.

— Опять? — простонал Максим однажды, когда Алина в третий раз за занятие попросила его повторить один и тот же элемент растяжки. — Мы это уже делали десять минут назад.

— Так сделаем ещё раз, — невозмутимо ответила она, придерживая его ногу в нужном положении. — Мышечная память формируется через повторение, Максим Дмитриевич, а не через ваше желание ее иметь.

— Вы издеваетесь надо мной специально?

— Я работаю специально, — она подняла на него взгляд, в котором мелькнула искра иронии. — Издевательства входят в дополнительные услуги, за отдельную плату.

Максим невольно фыркнул — второй раз за утро, что удивило его самого больше всего остального. Смеяться он не привык уже давно, и каждый раз, ловя себя на этом, тут же

злился — на неё, на себя, на собственную слабость перед её колючим, но обезоруживающим чувством юмора.

Первые недели прошли в почти непрерывных перепалках — колкий, злой сарказм с его стороны, спокойная, но непреклонная настойчивость с её. Максим саботировал занятия, как мог: придумывал отговорки, отменял визиты под надуманными предложениями, иногда откровенно грубил, проверяя, как далеко можно зайти, прежде чем эта упрямая девчонка не сдастся и не уйдёт, как уходили от него все остальные за этот тяжёлый год — терапевты, друзья, невеста.

Алина не сдавалась.

— Знаете, что получается? — сказала она однажды, после особенно тяжёлой сессии, когда Максим, вымотанный болью и раздражением, огрызнулся на неё резче обычного. — Вы очень стараетесь, чтобы я вас возненавидела и ушла. У меня для вас плохие новости: я слишком упряма для этого.

— Может, я просто действительно невыносим, — буркнул он, отворачиваясь к окну, за которым моросил унылый осенний дождь.

— Может быть, — легко согласилась она, собирая инструменты в сумку. — Но невыносимость меня обычно не пугает, Максим Дмитриевич. Я уже работала с многими подобными пациентами.

— Многими? — спросил он с прежним сарказмом, хотя что-то в её тоне против воли зацепило его любопытство. — Например?

Алина на мгновение замерла, будто взвешивая, стоит ли делиться личным с человеком, который явно не настроен на встречную откровенность.

— Например, с собственным отцом, — сказала она наконец, и в голосе её впервые за все их занятия прозвучала настоящая, непритворная усталость. — Он был дальнобойщиком. Авария на трассе, когда мне было восемнадцать. Перелом позвоночника, паралич — почти как у вас.

Максим удивлённо посмотрел на неё, впервые за все эти недели увидев перед собой не строгого, непробиваемого специалиста, а живого человека со своей собственной, застарелой болью.

— Он... поправился?

— Не полностью. Но благодаря реабилитации смог частично восстановить подвижность рук, научился обслуживать себя сам, прожил ещё почти четыре года достойной, наполненной жизни. Умер от инфаркта, не от травмы.

— Мне жаль, — тихо сказал Максим, впервые за время их знакомства произнеся эти слова искренне, а не как дежурную вежливость.

— Мне тоже, — Алина чуть заметно улыбнулась, хотя в глазах мелькнула тень давней, так и не зажившей до конца боли. — Но именно благодаря ему я знаю то, что вам сейчас так тяжело принять: жизнь после травмы — не конец, а другая форма существования. Иногда даже более осознанная, более наполненная смыслом, чем прежняя.

— Легко говорить, когда сама можешь ходить, — не удержался Максим от привычной, въевшейся в него горечи.

— Легко? — в её голосе впервые прозвучала настоящая, неприкрытая резкость, и Максим невольно вздрогнул от этой перемены тона. — Вы думаете, мне было легко в восемнадцать лет менять отцу катетеры вместо того, чтобы ходить на студенческие вечеринки, как все мои сверстники? Легко было смотреть, как мама не выдержала этой новой жизни и будто исчезла изнутри, перестала быть матерью, будто вся её теплота испарилась вместе с прежним, привычным укладом? Легко было потом хоронить единственного по-настоящему близкого мне человека, оставшегося к двадцати двум годам?

Максим молчал, устыдившись собственных слов.

— Простите, — произнёс он наконец. — Я не подумал.

— Ничего, — почти сразу смягчилась Алина, снова надевая привычную профессиональную маску, будто спохватившись, что позволила себе лишнее. — Я рассказала это не для того, чтобы вызвать жалость к себе, а для того, чтобы вы поняли: я знаю, о чём говорю, когда убеждаю вас бороться. Я видела, как это работает. Своими глазами, на протяжении многих лет.

С того разговора что-то неумовимо изменилось в их отношениях, хотя внешне противостояние никуда не исчезло. Максим по-прежнему ворчал, саботировал занятия в особенно тяжёлые дни, когда боль в спине становилась почти невыносимой, огрызался на любое замечание с той же преж-

ней колючестью, — но теперь за этим ворчанием всё чаще проглядывало нечто похожее на настоящий интерес к этой упрямой, не по годам мудрой девушке, отказывающейся видеть в нём лишь беспомощного инвалида, достойного одной лишь жалости.

Он начал замечать детали, которые раньше ускользали от его внимания, погружённого исключительно в собственную боль и злость на весь мир, — как Алина иногда напевает себе под нос старые песни, разминая его напряжённые мышцы; как хмурит брови, увлечённо внося изменения в программу его реабилитации; как искренне, по-детски радуется даже самому незначительному прогрессу.

Однажды, во время очередной сессии, Максим впервые за долгие месяцы почувствовал лёгкое, едва уловимое покалывание в области правого бедра — не более того, но и не менее.

— Это хороший знак, — сказала она тогда, едва сдерживая волнение в голосе. — Значит, нервные окончания частично сохранились, просто нужно время и правильная стимуляция, чтобы разбудить их снова.

— Не обольщайтесь, — привычно огрызнулся Максим, хотя внутри него что-то шевельнулось — робкая, почти забытая искра надежды, которую он тут же попытался задавить в себе, страшась очередного, привычного разочарования.

— Я и не обольщаюсь, — Алина внимательно посмотрела на него, и в этом взгляде мелькнуло что-то, чему он пока не

находил названия. — Я просто радуюсь маленьким победам. Их будет много, если вы позволите себе в них поверить.

Он не ответил, но той ночью впервые за долгое время уснул не с привычным горьким чувством безысходности, а с чем-то похожим на осторожное, почти забытое любопытство: а что, если эта невыносимая, упрямая девушка действительно права?